

Николай Грозный

Блеск и величие
дворянской России

Валерий
Шамбаров

Русская история

Валерий Шамбаров

**Николай Грозный. Блеск и
величие дворянской России**

«Алисторус»

2022

УДК 82-311.6-93
ББК 63.3 (2)

Шамбаров В. Е.

Николай Грозный. Блеск и величие дворянской России /
В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2022 — (Русская история)

ISBN 978-5-00180-472-7

Эпоха Николая I ознаменовалась высочайшим взлетом нашей державы. Золотой век русской литературы и искусства, научная и промышленная революция. Россия выиграла несколько войн, помогла освобождению Греции, Сербии, Молдавии, Валахии. Присоединила Армению, Западную Грузию, начала наступление на Среднюю Азию, освоение Приамурья и Приморья. Сумела выдержать чудовищный удар почти всей Западной Европы. Обо всем этом расскажет новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова «Николай Грозный. Блеск и величие дворянской России».

УДК 82-311.6-93

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-00180-472-7

© Шамбаров В. Е., 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

ПРОЛОГ.	5
ГЛАВА 1.	7
ГЛАВА 2.	10
ГЛАВА 3.	17
ГЛАВА 4.	22
ГЛАВА 5.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Шамбаров Валерий Евгеньевич Николай Грозный. Блеск и величие дворянской России

ПРОЛОГ. НИКОЛАЙ И АЛЕКСАНДРА

Александра Федоровна тихо плакала в своем маленьком кабинете. Уже пробило полночь, а мужа до сих пор не было. И сама атмосфера во дворце стала какой-то тяжелой, напряженной. Будто перед грозой. Но насыщенной не электричеством, а чем-то иным, темным и опасным. Тем неведомым, куда им предстояло шагнуть, независимо от их желания. Оно пугало, разверзалось черной ледящей пустотой. Как зимняя ночь за окном, но только неизмеримо глубже, страшнее и холоднее.

Наконец, в коридоре раздались шаги, которые Александра Федоровна не спутала бы ни с кем. Вошел Николай. Очень уставший в свистопляске последних дней, это было видно по его

лицу. Но он принес с собой твердость, уверенность. Поцелуем осушил слезы на глазах супруги. Опустился на колени на коврик, который жена вышила для него собственноручно. Специальный коврик для молитв – а молился он всегда горячо, самозабвенно, полностью уходил в разговор с Небесным Миром.

Нет, он не утешал и не успокаивал жену. Не унижал ее сладкой ложью иллюзий благополучия. Она была его половиной и должна была настраиваться так же, как он сам. Прервав молитву, Николай сказал: «Мы не знаем, что нас ждет. Обещай быть мужественной и умереть с честью, если придется умирать» [1]. Александра Федоровна ответила: «Дорогой друг, что за мрачные мысли? Но я обещаю тебе». Тоже опустилась на колени, стала молиться вместе с мужем. И помогло, молитва сняла напряжение, придала внутреннюю силу, уверенность. Как вспоминал сам Николай, «мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совесть была чиста, и мы от глубины души предались Богу» [2, 3].

А в морозных глубинах зимней ночи где-то мчалась по российским просторам кибитка фельдъегеря, везшего письмо начальнику Главного штаба генералу Дибичу: «... Послезавтра поутру я – или государь, или без дыхания... Но что будет в России? Что будет в армии? ...» [4].

ГЛАВА 1. ЦАРЬ МИРЛИКИЙСКИЙ

Михайловский замок в Санкт-Петербурге

– Экий богатырь! – оценила новорожденного его бабушка, императрица Екатерина. В этот день, 25 июня 1796 г., новость обсуждали и придворные, и прислуга, она полетела по Петербургу. У наследника престола Павла Петровича после двух старших сыновей одна за другой рождались девочки, шесть дочерей. И наконец, снова мальчик. Получилось так, что старшие братья уже повзрослели, женились, а младший – в пеленках. Впрочем, рождение третьего сына не считалось государственной необходимостью. Для надежного продолжения династии представлялось достаточно двоих. Второй – на случай, если что-то случится со старшим. Ну а третий – уже так, для «перестраховки».

Это отразилось даже в именах. Их выбирала всемогущая бабушка, и старшего нарекли Александром. Екатерина вспомнила Небесного покровителя Руси и Санкт-Петербурга, святого благоверного великого князя Александра Невского. Вспомнила и Александра Македонского, непобедимого полководца. Второй внук появился на свет в промежутке между войнами с Османской империей. В это время в душе Екатерины искрились надежды – а что, если получится окончательно сокрушить турок? Взять Константинополь, возродить греческое царство. Вдруг получится посадить там на престол русского царевича? Внука она назвала Константином. С третьим никаких политических проектов не связывали. Престарелая, очень больная бабушка, решила отдать символический поклон Церкви. Выбрала имя в честь самого любимого святого на Руси – чудотворца Николая Мирликийского. До сих пор ни один из властителей нашей страны не носил это имя.

Мальчика окрестили 6 июля без всякой помпы, в дворцовой церкви Царского Села. Крестными бабушка определила старшего брата и сестру младенца, Александра и Александрю. Самой Екатерины возле купели не было. Сославшись на плохое здоровье, она наблюдала за

обрядом, расположившись на хорах храма. Хотя все понимали, что есть и другая причина. Она не хотела быть рядом с родителями младенца, Павлом Петровичем и Марией Федоровной. Отношения царицы с сыном были давно и основательно испорчены.

На судьбе малыша это тоже сказалось. Его, как и остальных внуков, бабушка сразу отобрала у отца и матери под собственный контроль. При дворе царскими детьми заведовала графиня Ливен, а для маленького Николая составили штат обслуживающего персонала. Нянька-шотландка Лайон, две дамы для ночных дежурств у колыбели, четыре горничных, кормилица-крестьянка, два камердинера, десяток лакеев, восемь истопников. Но даже на то, чтобы вывезти ребенка с территории дворца в экипаже на прогулку, требовалось персональное разрешение императрицы. Поэтому родители детей почти не видели. Они жили у себя в Гатчине, а их сыновья и дочери – в Царском Селе.

На закате дней Екатерина вообще обдумывала лишить сына наследства, даже заточить его в крепость, а престол передать внуку. Но маленький Николай жил под опекой бабки всего полгода. 6 ноября 1796 г. императрица скончалась. На трон вступил Павел I. Он сохранил прежний штат воспитателей и прислуги во главе с графиней Ливен. Но теперь ее права расширили, спрашивать разрешения на выезды с малышами больше не требовалось. Ведь отслеживать, чтобы они лишний раз не завернули к родителям, стало не нужным. Родители отныне были вместе, рядом.

Повысился и официальный статус царевичей. По традиции, шефом 1-го гвардейского, Преображенского полка являлся сам царь. 2-й гвардейский, Семеновский, он отдал под начало наследника Александра, 3-й, Измайловский – Константину. Ну а младенцу Николаю достался Конногвардейский. Вот так, в возрасте 5 месяцев он начал свою военную службу. В 1798 г. родился младший брат Михаил – гораздо ближе по возрасту, чем двое старших. Он стал товарищем Николая по детским играм.

А «военная служба» заключалась в том, что на парадные выходы Николая наряжали в курточку и панталоны цветов Конной гвардии с нашитыми орденовыми знаками Св. Андрея и Св. Иоанна. Но в ранние годы у будущего царя-солдата никакой тяги к военному делу не отмечалось. Однажды караул Конной гвардии явился в Зимний дворец с шумом – мальчик испугался, разревелся. Отец решил приучить ребенка к своим защитникам. Взял на руки, заставил перецеловать всех солдат. Малыш боялся и пушечных выстрелов. При салютах несколько раз кричал и заливался слезами.

Отец опять приучал его. Начал брать с собой на парады, на учения в Царском Селе. Одним из первых детских впечатлений Николая стала встреча с Суворовым в 1799 г. Царь вызвал его из Кончанского, возглавить поход на французов. Во дворце мальчик увидел странного старичка, увешанного орденами. Засыпал вопросами об этих наградах. Суворов встал перед ним на колени и терпеливо показывал, объяснял.

В Итальянском и Швейцарском походах Александра Васильевича участвовал брат Николая, Константин. Показал себя достойно, Суворов писал об этом императору. Павел отличил сына, пожаловал ему титул Цесаревича (на который имел право только наследник Престола). Но при этом, по каким-то своим соображениям, решил поменять шефство над полками. Константину дал Конногвардейский, а Николаю вместо него – Измайловский. Объявил ему: «Поздравляю, Николаша, с новым полком! Я тебя перевел из Конной гвардии в Измайловский полк, в обмен с братом». И это тоже запечатлелось в памяти трехлетнего малыша [5] ...

Запечатлелся и отец. Очень занятый, увидеть его получалось не всегда. Но любящий, добрый, внимательный. Запечатлелись даже пустяковые подарки от него... Многого ребенок не понимал. Воспринимал только детским чувством, искренним и непосредственным. Николаю запомнился скоропалительный переезд из Зимнего дворца в Михайловский замок. Некоторые помещения были еще не достроенными, семью и прислугу размещали временно, как

получится. Было очень сыро, и на подоконники клали свежий хлеб, чтобы он впитывал влагу. Шепотом сожалели о брошенных комнатах Зимнего дворца, светлых и просторных.

Младшие дети виделись теперь с отцом каждый день. Их приводили к Павлу по утрам, когда старый парикмахер Китаев причесывал его, завивал букли. А 11 марта 1801 г. произошло два знаменательных события. Царь заглянул к детям, и Николай вдруг спросил: почему его называют Павлом Первым? «Потому что не было другого государя, который носил бы это имя до меня» – ответил тот. «Тогда меня будут называть Николаем Первым» – сделал свой вывод малыш [6]. Конечно, над ним посмеялись.

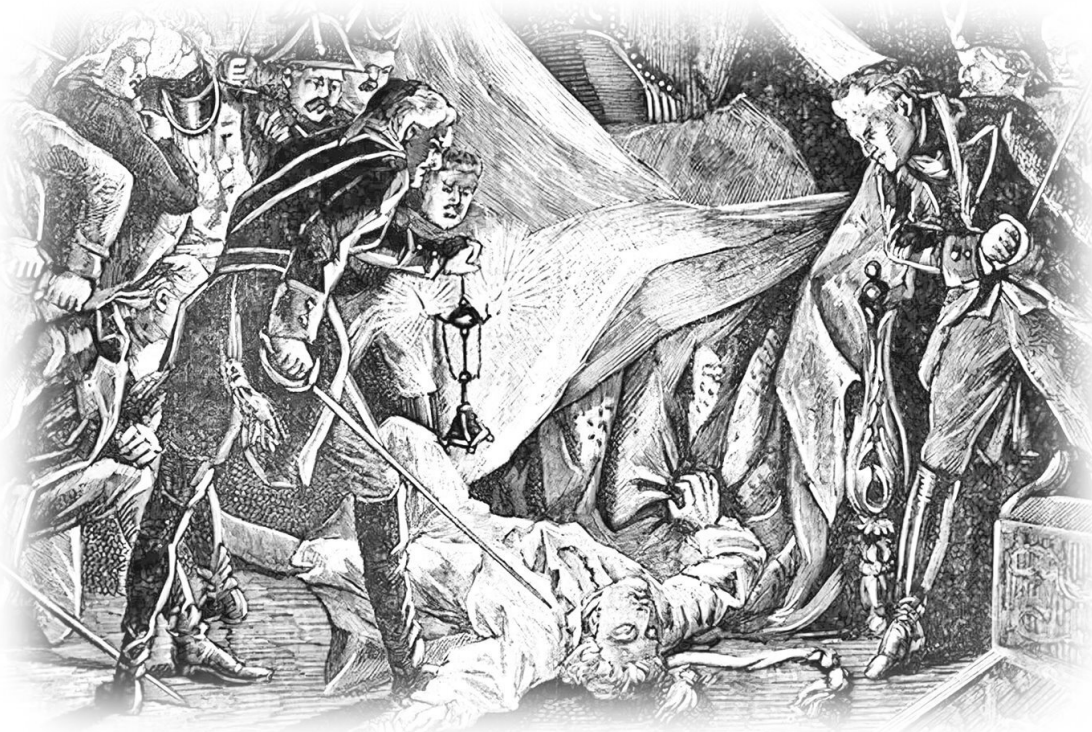
Но детские пророчества этого дня не кончились. Вечером был концерт в большой столовой. Николай с братом и сестрой играли в своих комнатах. Трехлетний Михаил отделился от них, стал возиться отдельно в углу. Воспитательницы поинтересовались, что он делает, и ошалели от услышанного – «Я хороню своего отца!». Ужаснулись, запретили мальчику говорить такое. Но он упрямо продолжал свою возню, только заменил слово «отец» на «Семеновский гренадер» ...

Среди ночи детей вдруг разбудили, стали спешно одевать. Николаю запомнился смутный свет в окнах. В Михайловском замке почему-то оказалось очень много военных. Причем солдаты и офицеры были в совершенно необычном виде, небрежном, растрепанном. Детей повели к матери, туда вошли и братья, Александр и Константин с князем Салтыковым. Александр бросился перед царицей на колени, рыдал, бился в истерике. Ему принесли воды, а детей тотчас увели. Вскоре и мать присоединилась к ним, куда-то ехать. Во дворе караул отдал честь, а царица зачем-то заставила военных молчать. Но привезли всех в старый и привычный Зимний дворец, в их прежние комнаты. И дети радовались, здесь было уютнее, чем в Михайловском замке. Они были счастливы, что нашли своих деревянных лошадок, забытых при переезде [5]

...

Они лишь позже узнали, что в эту ночь лишились отца. А еще позже – что отца убили. Странное пророчество трехлетнего Михаила о похоронах окружающие запомнили. Фразу про Николая Первого – тоже, но всерьез ее не воспринимали. Ведь шансов взойти на трон у него практически не было. Впереди – два старших брата, у них должны были родиться собственные сыновья. В семейном фольклоре появилось шуточное прозвище Николая: «Ну да, ты же у нас Царь Мирликийский!» ...

ГЛАВА 2. ПОЧЕМУ УБИЛИ ПАВЛА I?

Убийство Павла I заговорщиками под фактическим руководством английского посла Чарльза Уитворта

Как же так случилось, что убили царя, и страна не возмутилась? Продолжала жить спокойно, изобразив, будто верит официальной версии о смерти императора? Но Россию было трудно удивить подобным. Петр I принял весьма неопределенный закон о наследовании, согласно которому государь сам назначал преемника, и весь XVIII в. катилась череда заговоров, переворотов. Боролись за власть группировки временщиков. За ними иногда стояли иностранные державы – боролись за влияние на русскую политику.

Вдобавок ко всему, XVIII в. ознаменовался расцветом масонства. Именно «вольные каменщики» внедрили термин «эпохи Просвещения». Это подразумевало поворот от христианского к рациональному, материалистическому мышлению. В противовес вере возводился в культ человеческий разум. Духовное, ключевое начало религии всячески принижалось, выставлялось «суевериями». Это дополнялось моделями политических реформ по «просвещенным» сценариям – с ослаблением власти, расширением «свобод». Возникла идеология либерализма, внедрялась в качестве «прогрессивной».

Главным центром мирового масонства стала Англия. Образовались и другие центры – во Франции, Швеции, Германии. Оно проникало и в Россию. Особенно бурно расцвели ложи в безалаберное царствование Елизаветы Петровны. Правительство о них знало, но их деятельность признавалась безобидной и даже полезной, «как ключ дружелюбия и братства, которое бессмертно во веки пребывать имеет и тако наметшихся их общества, называемые просвещением, оных удостаивает». Что же тут плохого – дружелюбие, братство, просвещение?

Масоном был наследник престола Петр Федорович – выходец из Голштинии. А в Германии для дворян масонство было вполне нормальным, престижным явлением. В своей резиден-

ции, Ораниенбауме, Петр основал собственную ложу. Подарил дом в Петербурге ложе «Постоянство». В 1762 г. он стал императором, презрительно отмахнувшись от православного обряда венчания на Царство. Однако он оскорбил военных, перечеркнув кровь и усилия побед Семилетней войны с Пруссией. Неосмотрительно стал врагом и для собственной жены, умной и энергичной Екатерины, не скрывая намерения упеть ее в монастырь. Результатом стал очередной переворот и смерть Петра, а на троне очутилась его супруга.

Екатерина на первых порах тоже была заражена модными идеями «просвещения». Переписывалась со столпами вольнодумства Вольтером, д`Аламбером, Дидро. Лелеяла замыслы переустроить государство на «просвещенных» принципах. Даже организовала в 1764 г. Уложенную комиссию для выработки новых либеральных законов. Сама подготовила «Наказ» для нее – почти полностью переписанный из работ «прогрессивных» философов Монтескье и Бекариа. Хотя законотворчество увязло в массе противоречий и спустилось на тормозах.

Воспитание сына Павла императрица поручила видному масону Никите Панину. На «вольных каменщиков» смотрела сквозь пальцы. Впрочем, российские ложи в данное время еще оставались кружками болтунов. Один из их организаторов, камергер Елагин, признавал, что это было несерьезно, «обращали внимание на обрядовую сторону, слегка благотворили, занимались пустыми спорами, оканчивавшимися иногда празднествами Вакха» – то есть, пьянками.

Но облик масонства постепенно менялся. В 1770-х гг. в нем появились новые течения. Антихристианские общества мартинистов. Еще более радикальный орден иллюминатов. Он провозглашал своей задачей разрушение всех мировых религий, монархий, института семьи и брака, слом всей традиционной системы ценностей. А также всеобщую глобализацию со стиранием государственных границ и национальностей. Для того времени это выглядело фантастикой... В переводе с латыни «иллюминаты» означает «просвещенные». То есть те, кто уже «просветились» и узнали настоящие цели жизни. Хотя возможно и иное толкование: «люди света», «несущие свет» (а «князем света» оккультисты называют Люцифера). И не случайно праздником ордена стало 1 мая, магическая Вальпургиева ночь, когда темные силы и их служители собираются поклониться своему нечистому властелину.

Но с иллюминатами связали свою деятельность и Ротшильды. Они очень отличались от предшественников, «королевских банкиров», устроившихся при дворе того или иного монарха. Их сеть стала международной, глава дома возглавлял дело во Франкфурте-на-Майне, а сыновей разослал в Париж, Вену, Лондон, Неаполь, где они основали дочерние банки. Разные ветви взаимодействовали друг с другом, организовали собственную курьерскую службу, занялись перевозками золота между европейскими государствами. Они наладили и собственную систему агентуры – лучшую, чем большинство государственных разведок той эпохи. Финансовые и масонские круги переплетались между собой. Нацеливались на переустройство мира по собственным моделям [7].

Масоны активизировались и в России. Здесь развернулся эмиссар из Германии Иоганн Шварц. Николай Новиков основал «Дружеское ученое общество», «Типографическую кампанию» с частной типографией. Взятся за издание газет «Ведомости» и «Московские ведомости», за массовое печатание «прогрессивных» книг. Масоны начали широкую работу в школах, больницах, Московском университете, основывали частные училища. В 1782 г. российские ложи послали делегацию в Германию на масонский международный Вильгельмсбадский конвент. Россию признали «восьмой провинцией» ордена Злато-розового креста. Назначили Иоганна Шварца «канцлером» российских лож. А высший пост провинциального мастера оставили вакантным. Его предназначали для наследника престола Павла Петровича.

Между тем, отношения между Екатериной и наследником были сложными. Павел был для государыни нежеланным сыном, рожденным от нелюбимого человека. Свекровь, Елизавета Петровна, сразу забрала ребенка от матери, они виделись редко. Павлу было 8 лет, когда

свергли и убили его отца Петра III. Мать, взошедшую на престол, окружили фавориты, конкуренция в лице сына им совершенно не требовалась. Павел вырос, а к государственным делам его не подпускали. Приближенные Екатерины преднамеренно ссорили мать с сыном, распускали слухи о его ограниченности, жестокости, враждебности.

А вокруг наследника собирались те, кто был обижен при дворе Екатерины, кому не досталось теплых мест. Они связывали свои личные надежды с воцарением Павла и тоже ссорили его с матерью. Выплескивали сплетни об интригах и грязи при дворе. Передавали о беззакониях и злоупотреблениях по России. А их хватало. Екатерина немало сделала, чтобы навести порядок в стране после правления Елизаветы. Но всемогущие фавориты и их любимцы становились неуязвимыми, даже указы императрицы частенько не выполнялись. По мере того как она старела, контроль и вовсе слабел. А вокруг Павла, по сути, сформировался клубок оппозиции, и масоны надеялись использовать его для собственных реформ.

Но и Екатерина со временем стала осознавать опасности масонства. Ее победы над Турцией и Польшей, выход России к Черному морю, присоединение южных и западных областей ополчили против нашей страны западные державы. Ее врагами на международной арене выступали Англия, Франция, Пруссия, Швеция. Но они были и главными центрами масонства, с ними были связаны российские ложи. Которые, таким образом, превращались в инструменты чужеземного политического влияния. С 1785 г. по приказу царицы начались проверки масонских книг и изданий. «Вольным каменщикам» запретили деятельность в учебных заведениях и больницах, издание литературы духовного содержания.

А в 1789 г. разразилась революция во Франции. Масоны сыграли в ней ключевую роль. Иллюминаты составили самую радикальную партию якобинцев, другие течения проявились в более умеренных группировках. Российские «вольные каменщики» тоже воодушевились, увидев пример для подражания. Но и царица взялась за них более серьезно. Радищев за подрывную книгу, «Путешествие из Петербурга в Москву», был приговорен к смертной казни с заменой на 10 лет ссылки в Сибирь. Новиков за издание и продажу запрещенной литературы угодил в Шлиссельбургскую крепость. Видных масонов Турнегева и Трубецкого выслали в их дальние деревни. Правда, остальных только попугали, потаскав по допросам. Но ложи были запрещены, их дочерние организации закрыты. Попытку раздуть революцию в Польше блестяще разгромил Суворов. Война завершилась окончательным разделом и ликвидацией этого государства.

Но в 1796 г. Екатерина ушла в мир иной. На престол взошел Павел, с которым масоны связывали свои надежды. И влияние таких советников сказалось в полной мере. Новый царь сразу же освободил из тюрем и ссылок Радищева, Новикова, Татищева, Трубецкого, Невзорова (Новикова и Лопухина даже приблизил к себе). Предводителя польских революционеров масона Костюшко не только выпустил из заключения, но и позволил уехать в Америку. Те же советники настроили Павла безоглядно ломать политику матери. Он отменил победоносный Персидский поход, предпринятый для защиты грузин. Вывел русскую армию из Закавказья, бросив все завоевания на Каспийском море. Отменил и готовившийся поход в Европу против революционной Франции, расторг соответствующее соглашение с Австрией.

Но далеко идущие планы «вольных каменщиков» получить «своего» царя, развернуть через него радикальные реформы, не оправдались. Возродить масонские структуры он запретил. Революционные и либеральные идеи категорически отвергал. Об отходе от Самодержавия не помышлял. Наоборот, укрепил его. Отменил петровский закон о престолонаследии и ввел новый – отныне трон переходил четко по мужской линии, от отца к старшему сыну. Опасаясь разрушительных западных идей, Павел ввел строгую цензуру. Запретил ввоз иностранных книг и отправку юношей для обучения за границу. Закрыл все частные типографии. Он был и верующим человеком. Увеличил более чем вдвое государственное жалованье приходским священникам, даровал им ряд льгот.

Впрочем, Павел проявлял очень высокую веротерпимость. Разрешил строить храмы старообрядцам, учредил для них Единоверческую церковь. Хотя пользовались этой веротерпимостью совершенно разные силы. В Россию полезли иезуиты, открывая свои школы. Ожились сектанты – хлысты, скопцы. Обосновались даже в столице. Здесь проживали несколько крупных ростовщиков-скопцов, и они устроили в Санкт-Петербурге резиденцию своего «христа» Селиванова. Но Павел, узнав об этом, церемониться не стал. Селиванова и его присных отправил в тюрьму.

Со своим обостренным чувством справедливости царь поставил целью улучшить положение простого народа. Но улучшить рычагами Самодержавия, без всякой сомнительной «общественности». Одной из наболевших проблем оставалось крепостное право. Только необходимо иметь в виду, что мифы о традиционном «русском рабстве» не имеют под собой никакой реальной почвы. В данное время крепостное право еще существовало чуть ли не по всей Европе: в Австрии, Венгрии, Польше, Скандинавских странах, Пруссии и других германских государствах. В Англии, Италии, Испании, Нидерландах, Америке существовало и обычное рабство. Во Франции оно было упразднено только революцией, очень ненадолго.

Что касается России, то крепостное право пришло к нам запоздало, и механизмы его установления остаются во многом неясными. В 1592 г. было отменено право перехода крестьян от одного помещика к другому, установлен сыск беглых. Эти положения закрепило Соборное Уложение царя Алексея Михайловича в 1649 г. Но оно только прикрепило крестьян к хозяйству. Согласно Соборному Уложению, у крестьян запрещалось отбирать землю и другое имущество, запрещалось продавать их – «крещеных людей никому продавати не велено» [8]. Петр I в 1723 г. одним из первых в Европе запретил в России рабство (в отличие от «передовой» Англии). Но на крепостных его указ не распространялся. Они не считались рабами. В розницу их еще не продавали. Таких фактов при Петре не зафиксировано.

Предполагают, что эта практика внедрилась при Анне Иоанновне и Бироне, была перенята из Курляндии – в Прибалтике еще в XVI в. провели кодификацию законов на основе древнеримского права, и крепостных попросту приравнивали к рабам. Но в России это осуществилось «явочным порядком», без всяких законов. Указ Сената появился лишь в 1746 г., при Елизавете: «Впредь купечеству, архиерейским и монастырским слугам, и боярским людям, и крепостным, и написанным ко купечеству и в цех, такоже казакам и ямщикам и разным разночинцам, состоящим в подушном окладе, людей и крепостных без земель и с землями покупать во всем государстве запретить» [9].

Из текста видно, что торговля людьми рассматривается как явление уже существующее, и настолько широкое, что правительство ограничило ее. Сохранило право покупать крепостных только за дворянами. Петр III в 1762 г., в недолгое время своего властвования, издал «Манифест о вольности дворянства». Указ Петра I об обязательной 25-летней службе дворян упразднился. Отныне они могли по своему желанию выйти в отставку. Но тем самым перечеркивался и смысл помещичьего землевладения, как обеспечение их службы. Села с деревнями становились просто частной собственностью, – как и крепостные.

Екатерина II в период увлечения «прогрессивными» теориями озаботилась и проблемой крепостного права. Но ее главной опорой было дворянство, поэтому вопрос быстро спустился на тормозах. Императрица, строя свой идеал «просвещенного абсолютизма», рассудила, что и в отношении крепостных благие результаты можно достичь «просвещением» – когда образованный и культурный помещик будет грамотно управлять крестьянами. И им тоже станет передавать плоды образования и культуры. А раздачи государственных земель и крестьян в награду фаворитам, отличившимся офицерам и сановникам, стали при Екатерине обычным явлением.

Павел I впервые пошел на серьезные ограничения крепостничества. Издал Манифест о запрете помещикам использовать крестьян на барщине по воскресным, праздничным дням и

более трех дней в неделю. Запретил продавать крепостных без земли и разделять при этом семьи. Отменил ряд податей и повинностей. Дозволил крестьянам жаловаться Царю на притеснения помещиков и управителей. А казенным крестьянам подтвердил разрешение записываться в купцы или мещане.

Зато избалованное дворянство Павел взялся прижимать. Отменил для дворян запрет на телесные наказания. Лишил их права подавать коллективные петиции государю или в Сенат. Запретил выходить в отставку дворянам, прослужившим офицерами меньше года. Ограничил переходы с военной службы в гражданскую, а тех, кто вообще уклоняется от службы, повелел предавать суду. Упразднил губернские дворянские собрания, сохранив только уездные. Повысил для помещиков налоги и ввел новые...

В армии при Екатерине порядок очень разболтался. Ведь на командные должности попадали те, кто был в чести у фаворитов. Они пользовались бесконтрольностью и безнаказанностью. Павел принялся подтягивать дисциплину, ввел новые уставы. Были запрещены политические кружки среди офицеров, а солдаты получили право жаловаться на злоупотребления командиров. Развернулось строительство казарм – до сих пор их не было, солдаты квартировали по частным домам. Не все нововведения были однозначными. Например, Павел упразднил удобную «потемкинскую» форму и ввел ее по прусским образцам, с косами, париками, буклями. Хотя даже здесь было полезное новшество – солдаты получили шинели вместо плаща, гораздо лучше спасавшие от холодов и непогоды.

Впоследствии Павла I постарались оболгать. Изображали его сумасшедшим деспотом. Историю его царствования подменили анекдотами наподобие «поручика Куже». Писали о десятках тысяч сосланных в Сибирь. Но это ложь. Согласно документам, в Сибирь было сослано не более 10 человек – по суду, за серьезные преступления. Оппозиционеров ссылали разве что в их собственные деревни. Но их хватало. Попытки навести порядки в войсках и государственном аппарате, наступление на дворянскую вседозволенность порождали множество недовольных.

В 1798 г. раскрыли организацию «смоленских якобинцев» (она же «каналский цех») во главе с полковником Александром Каховским, замышлявшую цареубийство. У заговорщиков были и покровители при дворе. Предупредили их, и они уничтожили компрометирующие материалы. Павлу доложили в смягченном виде. Поэтому уличенных злоумышленников всего лишь исключили со службы, разогнали по деревням, и лишь трое: Каховский, Бухаров и Потемкин – были заключены в крепость.

Высокопоставленные масоны, разуверившись в Павле, перенесли ставку на наследника престола Александра. Его окружили «вольные каменщики» Строганов, Кочубей, Чарторижский, Новосильцев, обрабатывая либеральными идеями. А царя начали дискредитировать, подрывать его авторитет. Для этого клеветали на невиновных, обвиняя в заговорах. Под аресты и ссылки попали Ермолов (единоутробный брат Каховского), Платов, Суворов и 18 офицеров его штаба.

Но по мере того, как Павел набирался опыта, он стал осознавать, что советы его приближенных – ломать начинания матери – далеко не всегда были полезными. Он прекратил войну с Персией, а иранцы готовились добить Грузию. Ее терзали лезгины, чеченцы, аварцы. Царь Картли и Кахетии Георгий XI молил о спасении, соглашался перейти в полное подданство России. Павел вступился. Русские части снова получали приказы идти в Закавказье. Теперь уже для постоянной дислокации.

А отмена русского похода против Франции обернулась бедой для всей Европы. Французская революционная армия с талантливыми молодыми генералами громила всех противников, захватывала страну за страной. Англия и Австрия взывали к Павлу, упрашивали вмешаться. Толчком к принятию решения стал захват Наполеоном Мальты. Многие рыцари Мальтийского ордена (а он был суверенным государством) бежали в Россию. Отдались под покровительство

Павла, избрав его Великим магистром. Привезли ему главные святыни ордена: часть Животворящего Креста Господня, десницу св. Иоанна Крестителя. Отдавали и саму Мальту – великолепную морскую базу на Средиземном море. Рыцарские и христианские убеждения Павла, да еще и такое стратегическое приобретение сыграли свою роль. Он вступил в антифранцузскую коалицию.

Суворов очистил от завоевателей Северную Италию. Эскадра Ушакова освободила Ионические острова, они вообще просились перейти под протекторат России и были приняты Павлом. Русские десанты помогли выгнать французов из Южной Италии, победоносно вступили в Рим. Однако усиление влияния России в Европе переполюсовало ее нечестных союзников. Показались интриги и предательство. В Швейцарии подставили на разгром корпус Римского-Корсакова. Только беспримерным героизмом и гением Суворова спаслась его армия, попавшая в ловушку в Альпах. Англичане оставили без поддержки и русский корпус, направленный для совместного десанта в Голландию, по-свински обращались с нашими воинами. А на Средиземном море закреплялись сами. Подло захватили Мальту, уже юридически принадлежавшую России. Отказались отдавать ее вопреки заключенному договору.

Павел отреагировал решительно. Расторг союз с Австрией и Англией. В ответ на захват Мальты в русских портах арестовали более 300 британских судов. Было наложено эмбарго на торговлю англичан в России, прекращены поставки им зерна, разорваны дипломатические отношения. Против Англии царь заключил союз с Пруссией, Данией, Швецией. Но и во Франции революционная свистопляска вроде бы закончилась. Первый консул Наполеон захватил единоличную власть. Царь счел, что теперь с ним можно иметь дело. Начал переговоры о совместной войне с англичанами.

Но в Петербурге действовали британские дипломаты и агенты. Масоны и дворянская оппозиция стали для них очень удобным инструментом. Заговор составили те, кого Павел считал самыми надежными, доверенными. Петр Пален, генерал-губернатор Санкт-Петербурга и начальник тайной полиции. Вице-канцлер Никита Панин, бывший воспитатель государя. Присоединились командиры полков Лейб-гвардии: Преображенского, Семеновского, Кавалергардского, и еще ряд лиц. А субсидировало заговор правительство Англии. Его фактически возглавлял британский посол Чарльз Уитворт. Участники переворота собирались на квартире его любовницы Ольги Жеребцовой.

Они действовали четко и планомерно. Устранили фигуры, способные помешать заговору. Еще раз оклеветали Суворова, устранили от двора Аракчеева. Убрали персональных телохранителей Павла, лейб-казаков братьев Грузиновых. По обвинению в «якобинстве» выслали на Дон, а там, вдалеке от царя, поспешно осудили и казнили. А до императора стали доходить сигналы о заговоре. Он помнил судьбу отца. Понимал, насколько он незащищен в Зимнем дворце, как и в любой другой царской резиденции. Они были роскошными, великолепно украшенными, но требований безопасности никогда не учитывали.

Павел ускоренно строил для себя Михайловский замок. Защищенный прочными стенами, отделенный от города ровом, подъемным мостом. Царь с домочадцами переехали туда 1 февраля 1801 года. В спешке, когда строительные работы еще не были даже завершены. На самом-то деле эти страхи царя и способы укрыться от них поддерживали... заговорщики. А скорее, подсказывали их. В многолюдном Зимнем дворце расправиться с государем было не слишком удобно. Вокруг много слуг, все комнаты сообщаются между собой. Уединяясь в Михайловском замке, Павел сам шел в ловушку. Его врагам стены, рвы и мосты не мешали. Они же находились в ближайшем окружении Павла.

Втягивали и наследника. Александр уже грезил идеями конституции, дворянских «свобод». Даже позволял себе фрондировать против отца. А Пален очередным ложным доносом о заговоре добился от императора письменного приказа арестовать наследника. Показал его Александру. Хотя приказ мог быть и фальшивкой – проверить это уже невозможно. Злоумыш-

ленники ради приличия заверили царевича, что Павла заставят отречься от престола, но никакого вреда не причинят. Александр знал дату переворота, в ночь на 12 марта он и его жена не спали, были одеты [10]. Однако убийцы прекрасно представляли, как они будут действовать. Вломились в спальню царя и зверски прикончили его.

После этого Пален явился к Александру и известил – отец мертв. Тот разрыдался, напоминал об обещаниях. Пален цинично отрезал: «Хватит ребячиться, ступайте царствовать!» Действительно ли Александр верил, что отца оставят живым? Или хотел верить? А теперь выхода не было? Он явился к матери, Марии Федоровне. Бился в истерике, его кое-как успокоили. Потом Александр вышел на балкон, чтобы показаться собранным солдатам Лейб-гвардии. Сказал: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке» [10]. А тем самым покрыл убийц. И на себя тоже взял ответственность за страшное преступление. Его брат Константин отреагировал иначе. Говорил, что никогда не займет трон, запачканный отцовской кровью...

ГЛАВА 3. АЛЕКСАНДР I И ЕГО БРАТЯ

Вступление русской армии в Париж в 1814 году.
Художник А. Д. Кившенко

Угадать главных заказчиков и организаторов цареубийства было совсем не трудно. Ведь непосредственные исполнители ничего не выиграли! Наоборот, сломали себе карьеру, по сути доживали в ссылках по поместьям. Зато Александр, едва взойдя на престол, сразу же подписал дружественную конвенцию с Англией. Отказался от любых претензий, в том числе и от Мальты. Снял арест с судов и активов англичан, открыл им свободную торговлю, и они завалили Россию своим импортом.

Новый царь оправдал и надежды масонов, обиженных дворян. Сразу же помиловал 156 заключенных, осужденных при Павле за политические и уголовные преступления. Возвратил на службу 12 тыс. уволенных за злоупотребления или иные неблагоприятные дела. Снял запрет на ввоз в Россию иностранной литературы. Восстановил дворянские «свободы», выборы в дворянские собрания, перечеркнул указы отца об обязательной службе, о телесных наказаниях дворянам за серьезные преступления. А ложи «вольных каменщиков» снова действовали почти в открытую.

Главными советниками государя стали «молодые друзья», которые и раньше его опекали. Они предложили Александру создать «негласный комитет» в своем собственном составе, чтобы вырабатывать планы преобразования государства. Император согласился, и в комитет (его полусутоливо назвали «Комитетом общественного спасения») вошли те же: Строганов, Кочубей, Чарторыйский, Новосильцев, Голицын. Выдвинулся и талантливый администратор Михаил Сперанский. Он был из семьи священника, но с церковной линии свернул на госу-

дарственную службу, отличился деловыми качествами – и попал под влияние радикального масонского эmissара Брюкнера.

Через некоторое время на основе «негласного комитета» был создан уже официальный орган – Государственный совет. Ему дали еще не законодательные, а законосовещательные права, и он был назначаемым, а не выборным. Но все равно это была первая, еще предварительная ступенечка к ограничению Самодержавия. Развернулись и другие реформы. Петровские коллегии преобразовали в министерства. Очень широко пропагандировался масонский лозунг «просвещения». Создавались новые учебные заведения по западным образцам. Царь утвердил университетский устав, высшие учебные заведения получили значительную автономию, становились «школами демократии».

Один из «друзей юности» царя, Александр Голицын, занял должность обер-прокурора Синода. Хотя он был не только масоном, а еще и гомосексуалистом. Целиком находился под воздействием оккультиста Родиона Кошелева. Тот тоже занимал высокие посты – был гофмейстером двора, членом Государственного совета. Под покровительством Кошелева возникло мистическое общество «Новый Израиль». В него вовлекли царского брата (и наследника!) Константина. Общество собиралось в его покоях. А под эгидой Голицына масон Лабзин начал издавать религиозный журнал «Сионский вестник».

По протекции бывшего воспитателя Александра, масона Муравьева, его собрат по ложе Карамзин получил официальный пост «историографа». Вместе с другим «вольным каменщиком» Бантыш-Каменским взялся перелопачивать архивы, конструируя фальсификации отечественной истории. Среди преступников, реабилитированных Александром I, были и осужденные скопцы. Их лжехристос Селиванов стал открыто проповедовать в столице. В высшем свете пошла молва о его «пророчествах». К нему потянулись за предсказаниями.

К крепостному праву царь и его советники относились однозначно как к «варварству». Но государственная система Александра снова опиралась на дворянство, рушить благосостояние помещиков никак не могла. Да и сами реформаторы жили трудом крепостных. Император смог позволить себе только издать в 1803 г. указ о вольных хлебопашцах. Хозяева получили право добровольно на тех или иных условиях освобождать крепостных. Но широкого распространения это не получило. За время царствования Александра по указу о вольных хлебопашцах освобонилось 47 тыс. крестьян. А Сперанскому, оттеснившему прежних любимцев государя, он поручил заняться кардинальными проектами переустройства России. Однако углубиться в такие проекты не позволила международная обстановка.

Принятие в состав России Восточной Грузии вызвало долгую войну с Персией. Александр возобновил союзы с Англией, Австрией и Пруссией против Наполеона. Потом добавилась еще одна тяжелая и затяжная война, с Турцией. Разгром под Аустерлицем, вынужденный Тильзитский мир с Бонапартом, всколыхнули Россию. Воспринимались как небывалый позор. Но для Александра они стали и личными катастрофами. Он никогда не забывал, каким путем унаследовал трон. Считал поражения наказаниями от Господа. И для себя, и для России за тяжкий грех царя.

Такие выводы подкрепляла и его семейная жизнь. Екатерина II, желая укрепления династии, сама женила Александра и Константина, подобрала им невест. Супругой старшего брата стала принцесса Баденская Луиза Мария Августа, в православном крещении Елизавета Алексеевна. Супругой Константина – принцесса Кобургская Юлианна Генриетта, ставшая в России Анной Федоровной. Но у обоих браки по бабушкиным указаниям стали неудачными. Константин по натуре был человеком сугубо военным, вращался в офицерской среде – маневры, походы, пирушки. Его грубые шутки и выходки коробили жену, выросшую в совершенно других условиях. А ее красота привлекала других мужчин, и со стороны мужа добавились буйные сцены ревности, хотя сам он верности жене не проявлял. Анна рвалась вернуться в Германию, ее кое-как тормозили. Но в 1801 г. она под предлогом болезни матери уехала навсегда.

Муж не возражал. Он был увлечен службой. Возглавил комиссию по реорганизации армии: менялась форма, совершенствовалось вооружение. Константин руководил и созданием новых военных училищ, кадетских корпусов. Проявил себя настоящим героем под Аустерлицем, с гвардейскими частями прикрывал отход наших разбитых войск. Отличился и в других сражениях. Его разрыв с женой Александр I пытался как-то сгладить. Скандала не желала и мать, Мария Федоровна. Она была женщиной властной, сохраняла сильное влияние на сыновей, даже на царя. Но Анна наотрез отказывалась возвращаться, настаивала на разводе.

Александр по характеру не походил на брата, умел скрывать чувства. Поэтому в его семье драмы не проявлялись столь бурно. Но супруги быстро охладели друг к другу. Муж искал удовольствий на стороне, жена тоже. Дважды у нее рождались дочери, и было известно, от кого. Александр признавал их своими. Но императрица была очень слаба здоровьем, обе девочки умерли во младенчестве. Оба старших брата в царской семье остались бездетными. И в этом Александр тоже видел наказание от Бога.

А младших братьев государя еще никто не воспринимал всерьез. Хотя в Николае уже тогда можно было бы разглядеть некую обостренную ответственность, чувство долга. Трагедия отца каким-то образом преломилась в детском сознании, и однажды он вообразил, что должен оберегать императора. Находясь в Царском Селе, узнал, что на следующий день в караулы заступает «его» Измайловский полк, где он числился шефом. Рано утром надел мундирчик, взял ружье и пошел к покоям Александра. Часового там не было, царь говорил, что его должна охранять любовь подданных (на самом деле он понимал – в случае заговора часовой бесполезен). Но маленький Николай встал у дверей.

Александр удивился, обнаружив возле спальни младшего брата. Спросил, что он тут делает? Тот лихо отдал честь ружьем и доложил – охраняет государя, выбрал себе самый почетный пост. Император сдержал смех и остудил его усердие мягким способом. Дескать, он же не знает пароль. Что он стал бы делать, если вдруг придет обход с разводящим? Мальчик смутился, что упустил требования устава, но все равно заверил, что не пропустил бы к брату никого [11]. В Николае с ранних лет укоренилась и глубокая православная вера. Хотя непонятно, как она пришла к ребенку? В то время при дворе к церковным обрядам относились в значительной мере формально. А няня была англиканкой, учила детей только тому, в какие моменты Литургии нужно перекреститься, и давала заучить наизусть некоторые молитвы [12].

Воспитанием младших детей целиком заведовала мать, вдовствующая императрица, Мария Федоровна. Для их обучения назначили 7 преподавателей, а старшим наставником был определен генерал Ламздорф. Телесные наказания в ту пору считались нормальным средством педагогики, это было принято во всех странах, и Ламздорф прибегал к такому средству – частенько, был запальчивым, кричал. Дети ненавидели его и боялись. Царственный брат сочувствовал, когда-то Ламздорф и у него был наставником. Но не вмешивался.

А между тем, Николай проявлял живой и самостоятельный ум. Уже делал глубокие оценки. Преподавателю французского языка Пюже шестилетний царевич объяснил бедствия революции на его родине: «Король Людовик XVI не выполнил своего долга и был наказан за это. Быть слабым не значит быть милостивым. Государь не имеет права прощать врагам государства. Людовик XVI имел дело с настоящим заговором, прикрывшимся ложным именем свободы, не щадя заговорщиков, он бы пощадил свой народ, предохранив его от многих несчастий» [11].

Но о таких способностях ребенка вспомнили много лет спустя. Мать же поставила целью отвлечь младших сыновей, в отличие от старших, от военных пристрастий. Им вдалбливали гуманитарные науки, заставляли учить латынь – намечали послать их в Лейпцигский университет. Хотя латынь вызывала у них отвращение, что влекло за собой новые наказания. Зато Николая увлекли точные науки, математика...

Замыслы насчет Лейпцигского университета перечеркнуло покорение Германии Наполеоном. А вот военные в это время в России были на первом плане, как же можно было мальчишкам не тянуться к ним? Эффектной победой завершилась война со Швецией, и наша страна присоединила Финляндию. В столицу доходили рассказы о подвигах наших героев на Дунае, на Кавказе. И отношения с Францией снова портились, становилось ясно – надвигается решающая схватка с самим Бонапартом. Подобная обстановка выдвигала в правящей верхушке уже не либеральных реформаторов. Все больший вес набирал любимец Павла I – Аракчеев. Он реорганизовал русскую артиллерию, блестяще проявил себя в шведской войне, возглавил военное министерство, а потом военный департамент в Государственном совете. Аракчеев стал одним из ближайших советников царя, пользовался правом входить к нему без доклада в любое время дня и ночи.

От либеральных идей Александр I отказываться не собирался. В завоеванной Финляндии он созвал сейм и сохранил прежнюю шведскую конституцию. Сперанский не только оставался приближенным государя, но и стал государственным секретарем – канцлером. Это была вторая по рангу должность в империи. Он деятельно занялся переустройством государства. Ввел налог на дворянские имения. А главное, разработал «Введение к уложению государственных законов» – по сути, это был проект преобразования России в конституционную монархию. Государственный совет получал законодательную власть. Образовывались выборная Государственная дума, выборные органы самоуправления в волостях, округах и губерниях.

Но реформы Сперанского (в первую очередь налог на имения) вызвали массовое недовольство чиновников, офицеров, да и крестьян (отдуваться-то все равно приходилось им). А планы кардинальных перемен встревожили партию Аракчеева. Еще один кружок консерваторов образовался вокруг сестры царя, Елены Павловны. Она вообще объявляла Сперанского тайным революционером. Когда Александр I и Наполеон встретились в Эрфурте, и французский император расхвалил российского госсекретаря, наградил за усилия в переговорах, это подлило масла в огонь. Сперанского стали называть французским шпионом.

В лагере его противников сплотились не только патриоты. Многие вельможи ненавидели его, как «выскочку» из низов, завидовали. Других возмутил новый налог. К кружку Елены Павловны присоединился и видный масон Карамзин, еще недавно боготворивший Робеспьера. Может быть, извлек для себя уроки из печальных примеров французского дворянства. Или просто пристроился под высокое покровительство, формируя для себя имидж патриота и монархиста. Как раз ему Екатерина Павловна поручила обосновать недопустимость реформ. Неизвестно, насколько Карамзин в данном случае был искренним, но литератором он был талантливым, получилось у него убедительно.

Когда царь навестил сестру, ему вручили «Записку о древней и новой России». В ней доказывалось, что Самодержавие ослаблять нельзя, и любые перемены государственных порядков – это зло. Прибегать к ним можно лишь в крайней необходимости. Утверждалось и об опасности освобождения крестьян. Потому что без «бдительного попечителя», они попадут под власть собственных пороков, а это будет гораздо хуже и для государства, и для самих крестьян. На пороге большой войны Александру приходилось считаться с позицией дворянства и патриотических сил. В марте 1812 г. он отправил Сперанского в отставку, перевел в Нижний Новгород. С началом войны сослал еще дальше, в Пермь.

Наступило время, для реформаторства совсем уж не подходящее. На Россию хлынула 600-тысячная армия Наполеона. Сам Александр сперва очутился в войсках и главнокомандующего не назначил, – тем самым оставляя руководство за собой. Но Аракчеев, министр полиции Балашов и родные все же уговорили царя уехать в столицу, развязав руки своим генералам. Его брат Константин командовал 5-м (гвардейским) корпусом. Когда 1-я армия Баркляя-де-Толли и 2-я армия Багратиона героическими усилиями избежали разгрома и сумели соединиться в Смоленске, Константин поддержал Багратиона, требуя прекратить отступление и решительно

атаковать. Дошло до открытого конфликта с главнокомандующим, и великому князю тоже пришлось уехать в Петербург. Впрочем, и Барклай не задержался во главе объединенных сил, был заменен Кутузовым.

Александр I торжественно пообещал не мириться, пока хоть один французский солдат остается на русской земле – и тем самым получил опору всей страны, стал знаменем борьбы. Он разрушил планы Наполеона победоносно завершить войну взятием Москвы, отверг попытки завязать переговоры. Но в душе Александра сохранялся тот же надлом. Он остро воспринимал свою личную ответственность за неудачи, отступление, жертвы. Осознавал их как очередные Божьи кары за собственный грех. Соучастие в свержении и убийстве отца.

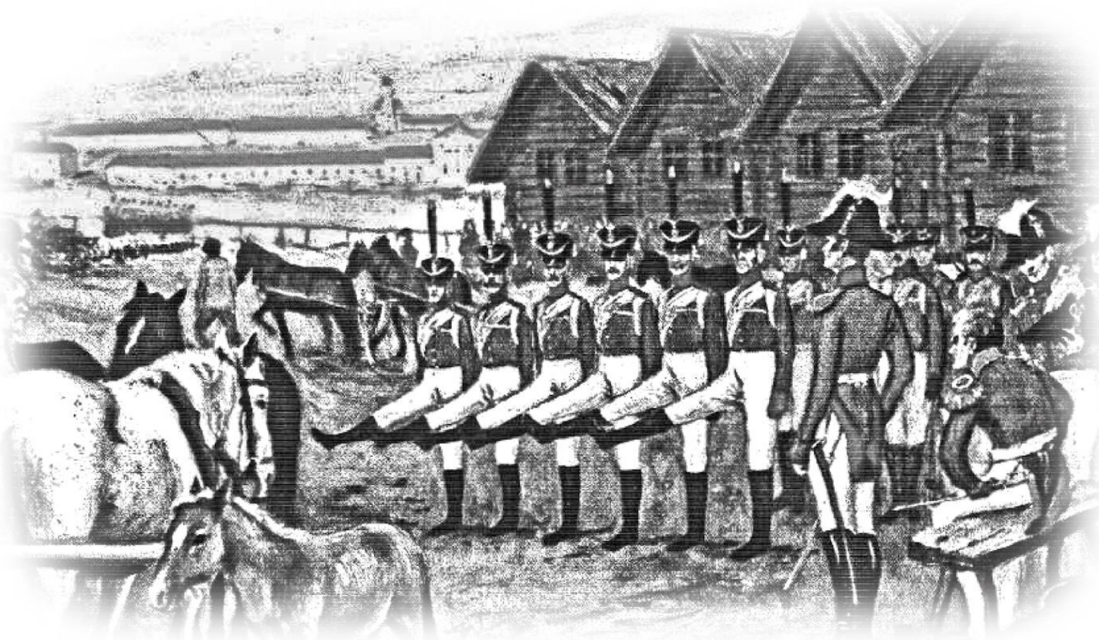
И если до сих пор Александр относился к религии довольно поверхностно, то теперь в нем пробудилось горячее стремление очиститься покаянием, обратиться к Господу всей душой. Но... даже на этом пути его поджидали ловушки. Рядом с императором не нашлось честных и искренних наставников в вере! Его порывом воспользовались все тот же «друг юности» и обер-прокурор Синода Голицын с гофмейстером-окультистом Кошелевым. Они увлекли царя в туманный мистицизм, в совместные чтения и толкования Библии, запутывали пророчествами Апокалипсиса. В пике потрясений, когда полыхала Москва, они предложили Александру совместные моления, образовали втроем «мистический союз», и государь настолько доверился им, что даже выделил Кошелеву собственные покои в Зимнем дворце, чтобы постоянно находился рядом.

Однако в это время горячо молилась вся Россия. И силы собирала, и захватчиков била. А молодые дворяне всей душой и мыслями были там, на фронте, рвались на поля сражений. Рвались туда и юные братья царя. Николаю исполнилось 16, Михаилу 15 – в те времена возраст был достаточным для начала службы, многие их сверстники уже воевали. Но мать подобные стремления совершенно не поощряла. Мальчикам надлежало продолжать обычные занятия. Хотя какая уж тут учеба? Младшие царевицы завидовали брату Константину. Вот он-то снова был героем! Под Бауценом его отряд блистательно отразил натиск самого Наполеона! Он отличился в битвах под Дрезденом и Лейпцигом. Под Фер-Шампенуазом лично возглавил атаку двух конных полков, врезался во фланг противнику...

Лишь в феврале 1814 г., когда французов почти сломили, мать отпустила Николая с Михаилом в армию. Они были на седьмом небе, грезили подвигами. Действительность оказалась куда более прозаичной. Их отправили со свитой наставников под началом того же Ламздорфа. Ехали медленно, с долгими остановками. Первые выстрелы услышали только в Базеле – австрийцы и баварцы осаждали крепость Гюнинген, где еще держались французы. Наконец, достигли Франции, догнали тылы русских войск. Но в это время Наполеон нанес свой последний отчаянный контрудар, и царь прислал младшим братьям приказ – срочно возвратиться в Базель. Там проторчали две недели в полном разочаровании, пока не узнали, что война кончилась. Только тогда Николаю и Михаилу велели ехать в Париж к императору. Всего лишь помянуть на победных торжествах...

После возвращения возобновилась учеба. Но уже на другом уровне. Братьям-царевицам преподавали государственное устройство, финансы, историю. Николаю особенно нравились занятия военного инженера генерала Оппермана, полковников Джанотти и Маркевича. Их уроки великий князь схватывал на лету, усваивал на отлично. А в 1815 г. Николая с Михаилом снова повезли за границу: в Вену, Париж. Но опять только для «фона», чтобы они покрасовались в свите старшего брата на мирной конференции.

ГЛАВА 4. КОМУ БЫТЬ НАСЛЕДНИКОМ ПРЕСТОЛА?

Военное поселение

Как только развеялись надежды, что французы сокрушат Россию, то и Персия наконец-то согласилась прекратить затянувшуюся войну. Отдала Карабах и земли нынешнего Азербайджана. А по всей Европе славил русских освободителей. Престиж нашей страны поднялся на небывалую высоту. И Александра I победы выдвинули в лидеры международной политики. Послевоенное устройство обсуждалось на Венском конгрессе, и Россия присоединила часть Польши, где Наполеон устроил марионеточное Варшавское герцогство. Александр решил объединить его с польскими областями, отошедшими к нашей стране раньше, и создать Царство Польское – под скипетром Российского императора.

Но государь хотел использовать свой авторитет и для того, чтобы на будущее обезопасить мир от глобальных потрясений вроде Французской революции и порожденной ею агрессии. Он впервые в истории предложил создать систему общеевропейской безопасности, Священный союз, который и будет поддерживать незыблемый мир и порядок. Хотя союзникам Александра было очень далеко до его альтруизма и благородства. Австрия и Пруссия восприняли договор в качестве пустой декларации, благих пожеланий. А Англию крайне встревожило усиление влияния России.

Теперь уже ее, а не Францию в Лондоне считали главной соперницей на мировой арене. Там же, на Венском конгрессе, британцы начали тайно сговариваться против нашей страны с побежденными французами.

Но и в самой России положение было сложным. В ходе войны и нашествия Наполеона она понесла колоссальные убытки. Финансы были совершенно расстроены. Дефицит денег в казне компенсировали выпуском бумажных ассигнаций, они обесценивались. Разорились и многие дворяне. А оклады офицеров и чиновников были совсем не высокими – большинство жило доходами с имений. Это приводило к росту казнокрадства, взяточничества. Отечественные рынки заполнил британский импорт, душивший российскую промышленность. За границей

закупали даже дамские ленты на огромную сумму: 20 млн рублей! [13] Такое положение, в свою очередь, разваливало финансы, золото утекало за рубеж.

И на фоне этого общего разлада пошла атака на... Православие! Духовную жажду царя по-прежнему эксплуатировали оккультист Кошелев и Голицын. В конце 1812 г. они создали Библейское общество, занявшееся вроде бы благим делом, переводами Священного Писания с церковнославянского на русский язык, распространением Библии. Но под покровительством этого общества в Россию хлынули активисты всевозможных сект: моравские братья, квакеры, баптисты, учителя «религиозного экстаза». Кое-где местные власти препятствовали еретикам. Но советники упростили Александра защитить их. Он одернул подчиненных: «Какое вам дело до того, кто и как молится Богу! Лучше чтобы молились каким бы то ни было образом, нежели вовсе не молились». В Германии царю подсунили «пророчицу» баронессу Криденер – она очутилась в Петербурге, запутывала Александра мистикой, туманными прогнозами и деловито тянула деньги.

Такой атмосферой пользовались и местные сектанты, скопцы. Их секта специализировалась на ростовщичестве и чрезвычайно разбогатела. Например, уже позже, при аресте скопца Плотицына, было изъято наличными более 18 млн рублей! В пересчете по нынешнему курсу, он был бы мультимиллиардером. За согласие «посвятиться» скопцы выкупали на волю крепостных, окручивали должников. Калечили мужчин, посвящая их в свои ряды «за одной», «за двумя», «за тремя печатями». Калечили женщин «за одной» и «за двумя печатями». Или «за печатями огненными» – выжиганием. А любые обвинения изуверы замазывали взятками.

Для лжехриста Селиванова скопец-миллионер Солодовников отгрохал в столице настоящий дворец, «дом божий, горний Иерусалим». Там были и салоны для «духовных бесед», и разукрашенный зал для радений, и оборудованные помещения для ритуальных операций с новообращенными. Возле «дома божия горнего Иерусалима» вереницами останавливались богато убранные кареты. Знатные дамы, ничуть не таясь, собирались слушать проповеди и беседы Селиванова.

Светское «общество» охватило повальное увлечение мистикой. Дворяне и высокопоставленные чиновники собирались в спиритические кружки, утопали в астрологии, магии, зачитывались оккультной литературой. Голицын получил повышение, стал Министром духовных дел и народного просвещения. Журнал «Сионский вестник» масона Лабзина он вообще освободил от цензуры. И Лабзин принялся вдобавок издавать книжки религиозно-нравственного содержания. Они имели огромный успех, становились учениками по церковному воспитанию.

Появилась еще одна «пророчица», Екатерина Татаринова. Аристократка, из семьи придворного (в девичестве Буксгевден). Овдовев, она сперва самозабвенно окунулась в секту «хлыстов» с радениями, свальным грехом и прочей экзотикой. Потом перешла к скопцам, где ее и признали «пророчицей». Ее покровителем тоже стал Голицын. Выхлопотал, чтобы царь отдал Татариновой Михайловский замок, пустовавший долгое время – молчаливое напоминание об убийстве Павла I. «Пророчица» создала там общину «духовных христиан». К ней потянулась аристократия: генерал Головин, князь Енгальчев, художник Боровиковский, дамы из высшего света. Иногда на сборища приходил и Голицын. Хотя Михайловский замок превратился в гнездо тех же самых «хлыстов» и скопцов.

Голицын, получив министерский пост, принялся насаждать сугубую религиозность в учебных заведениях. Но... кто и как внедрял ее? Получалось, что духовным воспитанием руководит уже не Церковь, а Библейское общество со своими дочерними организациями. Ереси стали заражать и духовенство. Те священники, кто хотел выслужиться, подстраивались к Голицыну и его окружению. А поборники ортодоксального Православия не осмеливались выступить против новшества или попадали в опалу.

Но масоны действовали не только методами «просвещения». В Германии в период французской оккупации возникли законспирированные боевые организации «Тугенбунда» («Союза

добродетели»). Они тоже были масонскими, объединяли самых энергичных представителей офицерства, дворянства, молодежи. Аналогичные веяния проникли и в Россию. Царская армия в походах вроде бы закалилась, набралась боевого опыта. Но... дисциплина совсем разболталась. А офицеры нахватались и французских, и германских радикальных учений. Как обычно, хватало и недовольных, чем-то обиженных. Были и возгордившиеся, сочли себя вправе переkreить государственные порядки по собственному разумению.

В 1814 г. граф Дмитриев-Мамонов и генерал Орлов создали «Орден русских рыцарей». Следом возникли: «Священная артель», «Семеновская артель», кружок Раевского. О «Семеновской артели», куда входили будущие декабристы Трубецкой, Муравьев-Апостол, Якушкин, Александр I, узнал и запретил ее. Но в 1816 г. члены всех этих кружков объединились в тайный «Союз спасения», нацелившийся на замену Самодержавия конституционной монархией. Правда, возникли споры, как же это сделать.

Большинство стояло за мирный путь. Лунин и Якушкин доказывали, что царя надо убить, и «Союз спасения» переругался. Сам постановил – распустить организацию. Но тут же возникло «Военное общество», где отсекали нерешительных, а на его базе в 1818 г. был создан «Союз благоденствия». Для маскировки он провозглашал «помощь правительству» в делах «просвещения». Но целью видел даже не конституционную монархию, а установление республики.

Идейному разброду немало способствовала либеральная линия самого царя. После войны он хотел вернуться к прежним замыслам. Возвратил из ссылки и снова возвысил Сперанского. Ввел его в Государственный совет, поставил во главе Комиссии по составлению законов. А своему новому детищу, Царству Польскому, император даровал конституцию со свободами печати, личности, двухпалатным парламентом – сеймом. Польским царем считался сам император, а своим наместником он назначил поляка, генерала Зайончека, воевавшего против русских и под знаменами Костюшко, и под знаменами Наполеона.

На открытие первого сейма в 1818 г. государь приехал лично. Произнес речь, что Польша является как бы опытным полем конституционных свобод – откуда Александр со временем распространит их на всю Россию. С поляками он вообще заигрывал. Предоставил им полную автономию. Они могли сами принимать свои законы, у них были свои суды, полиция, ходили свои деньги. Польские производители и купцы получили в России огромные льготы – в ущерб русским.

За счет России была создана польская армия, и жалованье офицеров и солдат было гораздо выше, чем в русских войсках. Главнокомандующим царь назначил брата Константина (и наместник Зайончек считал нужным советоваться с ним по всем вопросам). Но большинство офицеров недавно сражалось против России. Даже форма им была оставлена «привычная», установленная для них Наполеоном. А благородного отношения к их стране паны отнюдь не оценили. В Польше сформировалось разветвленное Национальное масонское общество, принялось готовить восстание.

Александр совершал и другие грубые ошибки. Ему пришла идея удешевить армию, и одновременно подготовить контингенты воинского резерва. При рекрутской системе его не существовало, это остро проявилось в 1812 г. Царь решил создать военные поселения. Войска будут сами обрабатывать землю, обеспечивать себя продуктами, фуражом. Но и нестроевые крестьяне будут учиться воинскому мастерству. Это дело государь поручил Аракчееву, хотя тот был противником реформы – на коленях умолял Александра отказаться от нее. Но император остался непреклонным.

В общем-то, военные поселения в России существовали издавна, казачьи станицы. Сами себя обеспечивали и воевали мастерски. Но царь решил изучать и перенимать опыт англичан, создававших военные поселения в колониях для туземных войск. Заинтересовался и австрийскими военными поселениями сербов и хорват, охранявших границы. В 1817 г. для его про-

ектов выделили районы в Новгородской, Могилевской, Витебской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской губерниях. Включали в них войска, расквартированные в здешних местах, но и крестьян приписывали к полкам. Часть времени поселенцы должны были заниматься военным обучением, остальное время предназначалось на работы по сельскому хозяйству, строительству дорог, осушению болот. Вся жизнь строго регламентировалась вплоть до мелочей, должна была идти по распорядку и приказам командиров.

Но заграничный опыт оказался для России совершенно чуждым. Крестьяне воспринимали «солдатчину», как худшее наказание. Были бунты. Самый крупный, в Чугуеве, подавляли войсками. 275 человек были приговорены к смерти, но Аракчеев сократил список до 40 зачинщиков и заменил казнь прогоном сквозь строй в 12 тысяч шпицрутен, умерли 25. Однако и там, где все обошлось спокойно, начинание царя обернулось провалом. Были отличные солдаты и отличные крестьяне – а в военных поселениях превращались в плохих крестьян и никудышных солдат. Хозяйства разваливались, поддерживались только крупными дотациями. Численность поселенцев не росла, а уменьшалось. Смертность от болезней, тяжелых работ, а в большей степени убыль от дезертирства, превышали рождаемость.

После блеска побед в стране нарастал раздрай. А у Александра накапливались усталость и разочарование. Он снова задавался мучительным вопросом – благословляет ли Господь его царствование, начавшееся преступным образом? Супруга болела, и становилось уже ясно – детей у них не будет. Наследником престола числился брат Константин. Однако он прижился в Варшаве, полюбил Польшу, ее нравы и порядки. Загорелся жениться на графине Жанетте Грудзинской и подтверждал, что от короны он отказывается.

Но уже возмужал третий брат, Николай. В завершение обучения для него устроили поездки по России, за границу. Он проявлял себя умным, внимательным, крайне ответственным. В разных городах не брезговал лично осматривать тюрьмы, госпитали, обнаружив настоящие безобразия в Порхове, Воронеже. В Белоруссии четко оценил роль польских дворян, враждебных к России, тяжелое положение крестьян, притеснения народа со стороны евреев, засилье католических монастырей и их влияние на молодежь [14]. А в Англии Николай Павлович сделал меткую оценку «демократии»: «Если бы, к нашему несчастью, какой-нибудь злой гений перенес к нам эти клубы и митинги, делающие больше шума, чем дела, то я просил бы Бога повторить чудо смешения языков, или, еще лучше, лишить дара слова всех тех, кто делает из него такое употребление» [14].

Царь еще раньше присмотрел младшему брату невесту, прусскую принцессу Шарлотту. В своих путешествиях за рубеж Николай останавливался в Берлине, познакомился с девушкой, и они искренне полюбили друг друга. В июне 1817 г. Шарлотта прибыла в Россию, приняла Православие с именем Александры Федоровны, и в церкви Зимнего дворца состоялось таинство их венчания с Николаем Павловичем. Семья стала дружной, любящей, и молодая супруга зачала почти сразу же. В апреле 1818 г. у них родился сын Александр.

Николай не увлекался модным мистицизмом и ересями, не обращался к «пророчицам». При тяжелых родах жены он принял обет – в храме Нового Иерусалима построить придел в честь святого Александра Невского, что и исполнил. Но нигде широко это не афишировал, а архиепископу Московскому Августину (Виноградскому) писал: «Изъявление благодарности не нужно Тому, Кто читает в глубине души, но оно необходимо душе благодарной... Пускай перед алтарем, воздвигнутым благодарностью отца, приносятся молитвы и о матери, и о сыне... на службу Государю, на честь и пользу Отечеству» [15].

В это же время, в начале 1818 г., Николай вступил на стезю военной службы. Старший брат назначил его инспектором по инженерной части – он возглавил инженерные войска лейб-гвардии и армии. Здесь великий князь оказался вполне на месте, инженерное дело он давно любил, прекрасно разбирался в нем. Но обнаружил, что в других науках его обучение было далеко не лучшим. Разработав собственноручно руководство по инженерному делу, Николай

Павлович честно сказал подчиненным офицерам: «Не обращайтесь, господа, внимания на орфографию, я должен сознаться, что на эту часть при моем воспитании не обращали должного внимания» [16]. Он стал заниматься самообразованием.

А осенью 1818 г. в дополнение к инженерным войскам он был назначен командиром 2-й бригады 1-й гвардейской дивизии. Бригада состояла из Измайловского и Егерского полков, и вот на этой должности Николай столкнулся с настоящей строевой службой. Уставы он с детства знал назубок, но неожиданно для себя сделал открытие – реальность не имеет с ними ничего общего. Лейб-гвардия разболталась. Среди офицеров царили разгильдяйство и панибратство, авторитет начальников ставился ни во что, приказы критиковались и высмеивались.

Николай взялся наводить порядок, но... оказался на этом поприще одиночкой. Потому что нарушения дисциплины стали обыденностью, были и официальные послабления. Например, после войны офицерам разрешили вне службы носить гражданские фраки. Некоторые даже на учения приезжали во фраках, только накинув поверх шинель и форменный головной убор. Когда освободятся, не терять времени, катить куда-то развлекаться. Решить какие-то вопросы через царя Николай не мог – Александр надолго уехал за границу, на конгресс в Аахен. По мучившим его вопросам великий князь обращался к командиру гвардейского корпуса генерал-адъютанту Васильчикову. Тот отчасти соглашался, давал советы. Но чаще махал рукой. Давал понять, что так уж сложилось, и это даже от него не зависит.

Однако у Николая Павловича руки не опустились. Он пришел к выводу, что порядок в службе напрямую зависит от личности офицеров. Ближе знакомился с ними. Придумал собственный метод, условно разделив их на три категории. Честные и добросовестные служаки. «Добрые малые» – в общем-то, порядочные, но не желающие особо напрягаться. Третьи – болтуны, критиканы, фронтеры. От этой третьей категории Николай принялся чистить свои полки. Строго взыскивал за упущения, переводил из Лейб-гвардии в армию. Но при этом снова столкнулся с неожиданным для себя явлением, «ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей». Наказание и удаление таких офицеров обрачивалось шумом, скандалами, заступничеством высоких лиц [17]. Вот так Николай Павлович, еще не понимая этого, впервые вступил в конфликт с будущими декабристами. Но дело он довел до конца, бригаду оздоровил.

Летом 1819 г., как обычно, полки Лейб-гвардии вывели в Красное Село на маневры. Участвовал и Николай со своей бригадой. Император похвалил ее, а после учений заехал в гости к брату. Сынишке исполнился уже годик, а Александра Федоровна снова ходила непраздной. Обедали в узком кругу, без посторонних, и царь разговорился, что очень рад видеть их семейное счастье. Каялся и винил себя в грехах молодости, в побочных связях, из-за чего остался бездетным, как и Константин.

Но от беседы о детях Александр вдруг перевел разговор, что пост государя очень тяжелый, требует чрезвычайного напряжения, а его силы ослабевают. Поэтому он принял решение – когда почувствует, что больше не может исполнять свой долг, отречься от власти. Сообщил, что Константин об этом уже знает, однако наследовать трон не хочет. Но оба они видят знаки Божьей благодати в семье Николая, где род продолжается. И Николай должен знать заранее – занять престол предстоит ему. Великий князь и его жена были «поражены как громом».

Видя их реакцию, царь начал успокаивать – это произойдет еще не скоро. Может быть, лет через десять. Но Николай и Александра «должны заблаговременно только привыкать к сей будущности неизбежной». Младший брат наконец-то нашел слова, что никогда не готовил себя быть царем, не чувствует в себе ни сил, ни духа, помышляет лишь о службе. Александр ответил – когда он вступил на престол, то и сам был в таком же положении, и ему было еще труднее. Начал перечислять, что он многое делает и еще будет делать, чтобы передать дела в достойном порядке.

Николай Павлович вспоминал: «Государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно, по приятной дороге, усеянной цветами и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить и воротиться...» [18]. Кстати, с орфографией в его записках уже все в порядке. Как видим, язык прекрасный, образный. Работать над собой великий князь умел основательно.

ГЛАВА 5. РЕВОЛЮЦИИ НА ЭКСПОРТ

Заседание «Союза благоденствия»

В начале XIX в. Англия освоила сверхвыгодный бизнес – экспорт революций. Она являлась и мировым финансовым центром, и центром мирового масонства. А структуры «вольных каменщиков» стали удобным инструментом для подрывных операций. Борьба за сферы влияния такими методами оказалось гораздо эффективнее и дешевле, чем вести войны. Мы уже рассказывали, как в 1801 г. англичане организовали убийство Павла I. Но в то время им требовался только верхушечный переворот – силы России были нужны для борьбы с Наполеоном.

А вот Испанию в Лондоне считали соперницей еще с XVI в. Это была крупнейшая мировая держава, – ей принадлежали большая часть Америки, ряд других владений. Ее американские провинции жили даже лучше и богаче, чем метрополия. Национальной дискриминации не было, в отличие от британских колоний. Крещеные индейцы считались равноправными подданными Испании. Богатые креолы (потомки испанских переселенцев) и метисы владели плантациями, торговали, занимали важные должности в администрации. Посылали детей учиться в Европу. А там они вступали в масонские ложи и проникались «борьбой за свободу». Поддерживала такие идеи Англия, она рвалась торговать с Латинской Америкой через голову Мадрида, но ей не позволяли.

В 1810 г., когда Испанию подмял Наполеон, по Америке полыхнула цепная реакция революций. Правда, после побед над французами испанцы послали войска и подавили все мятежи. Но в 1816–1817 гг. их заокеанские владения снова взорвались. И вдобавок в 1820 г. разразилась революция в самой Испании. Поэтому усмирить восстания в Америке она уже не смогла.

В результате скатилась на уровень второсортного государства. А ее американские провинции, еще недавно процветавшие, разделились, передрались за территории и в соперничестве лидеров. Потеряли в войнах 1,5 млн погибших, были совершенно разорены. Превратились в «банановые республики», попав в полную экономическую (и политическую) зависимость от Англии.

Важнейшей сферой влияния в Лондоне считали и Средиземноморье, дороги на Ближний Восток. И в Италии на основе масонских структур возникли боевые отряды карбонариев. В 1820 г. одна революция началась на юге, в королевстве Обеих Сицилий, другая – на севере, в Пьемонте. С ними властям удалось справиться, на помощь монархам прислала войска Австрия. Но тем самым итальянцев ссорили с австрийцами. Народ стал воспринимать их как оккупантов. А Англия выступала покровительницей итальянских «свобод», центры революционеров обосновались на ее территории.

Россию Лондон тоже не оставлял без внимания. Война на Кавказе тянулась давно, с XVIII в. Нападения горцев на казачьи станицы, похищения людей в неволю. Ответные поиски казаков и военные экспедиции. Еще в 1802 г. Александр I отмечал: «К большому моему неудовольствию вижу я, что весьма усиливаются на линии хищничества горских народов и противу прежних времен несравненно их более случается». Но даже после побед над турками и персами, после присоединения Грузии и Азербайджана, война не стихала, а наоборот, обострилась.

По совету Аракчеева в 1816 г. командовать Отдельным Кавказским корпусом и возглавить гражданское управление в Грузии, Кавказской и Астраханской губерниях был назначен Ермолов. Вместо беспорядочных операций он начал систематическое наступление в горы. Развернулось строительство крепостей, прокладка дорог. Ермолов установил и неизбежность наказания за любую враждебную акцию. Его предшественники играли в «дипломатию», склоняя к покорности князей и старшин. Те приносили присягу, получали офицерские и генеральские чины, большое жалованье. Но при удобном случае грабили и резали русских, а потом снова присягали, и им возвращали чины и жалованье. Ермолов это пресек. Нарушивших присягу стал «возвышать» иным образом – вешать.

Селения, откуда совершались набеги, навлекали на себя карательные рейды. Если они пытались сопротивляться, подводились на 50 шагов пушки и открывали огонь. Если же селение соглашалось замириться, на слово уже не верили, брали заложников. Из «мирных» горцев Ермолов формировал отряды чеченской, дагестанской, кабардинской милиции. Если ты подданный России, так и воюй на ее стороне. Земли по новым линиям и укреплениям Ермолов стал заселять казаками, для этого пополнял их ряды добровольцами, отставными солдатами. В ермоловском корпусе сложились особые традиции. Без телесных наказаний, вместо шагистики учили стрельбе, рукопашной. Даже форма была особой, по подобию казачьей: папахи вместо киверов, просторные куртки и шаровары, холщовые сумки вместо ранцев.

Тактика Ермолова приносила успехи. Но «немирных» горцев подстрекали и подпитывали Турция, Персия. И к ним подключилась Англия. Она вообще поставила задачу вытеснить Россию с Кавказа. В персидской армии появились британские военные советники, помогали вооружать и обучать ее, готова к новой войне. Горцам через турок переправлялись деньги, оружие. А британская и французская пресса поднимали шквалы возмущения о «русских зверствах на Кавказе». Стоит иметь в виду, что сами англичане отнюдь не церемонились с местным населением при завоевании колоний, подавлении восстаний. Но о себе конструировали миф «великой благородной миссии» – нести «цивилизацию» якобы «дикарям». К нашей стране подобные оценки не относились. Горцы, терроризирующие набегами сопредельные области, выставлялись сугубо «борцами за свободу», русские – «поработителями».

Ну а либералы в окружении царя обрушивали грязь и сплетни на Ермолова, прилагали все усилия, чтобы его свалить. Только благодаря Аракчееву он оставался неуязвимым. Всесильный вельможа становился опорой и для поборников чистоты Православия. Против засилья

еретиков выступили ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Иннокентий (Смирнов), ныне причисленный к лику святых, и его ученик иеромонах Фотий (Спасский). Фотий открыто поднял голос «против масонов, иллюминатов, методистов, Лабзина, «Сионского вестника» и прочих».

А последователь Фотия, князь Ширинский-Шихматов (впоследствии иеромонах, настоятель Ильинского скита на Афоне) и дипломат Александр Стурдза привлекли консультантов из опытных монахов и провели экспертизу «Сионского вестника», указав на публикации еретические и кощунственные. Представили доклад Голицыну. Тот пытался выгородить Лабзина, но все же вынужден был передать цензуру «Сионского вестника» ректору духовной академии Иннокентию (Смирнову). После этого Лабзин прекратил издание журнала. Однако церковная верхушка уже уютно пристроилась к Голицыну, и первая атака на еретиков обернулась «повышениями». Иннокентия сделали епископом – но в Пензе. Фотия игуменом – но в захудалом Деревяницком монастыре под Новгородом. Обоих отправили в почетные ссылки. А Лабзин получил высокое и престижное назначение – стал вице-президентом Академии художеств!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.